

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЛОГ	5
Часть 1	
ХЪЯР — ВИЙДФИОРД	7
ГЛАВА ПЕРВАЯ	9
ГЛАВА ВТОРАЯ	19
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	28
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	39
ГЛАВА ПЯТАЯ	50
ГЛАВА ШЕСТАЯ	62
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	75
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	96
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	112
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	123
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	130
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	147
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	157
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	174
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ	190
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ	200
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ	208
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	217
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	228

Часть 2

ВИЙДФИОРД — МЬОЛЛЬ	237
Глава первая	239
Глава вторая	250
Глава третья	259
Глава четвертая	269
Глава пятая	279
Глава шестая	290
Глава седьмая	299
Глава восьмая	308
Глава девятая	318
Глава десятая	326
Глава одиннадцатая	336
Глава двенадцатая	347
Глава тринадцатая	357
Глава четырнадцатая	367
Глава пятнадцатая	378
Глава шестнадцатая	388
Глава семнадцатая	399
Глава восемнадцатая	411
Глава девятнадцатая	420
Глава двадцатая	434
Глава двадцать первая	445
Глава двадцать вторая	457
Глава двадцать третья	467
От авторов	477

Посвящается
настоящему мастеру слова
и нашей вдохновительнице
Марии Васильевне Семёновой

ПРОЛОГ

...Соленый морской ветер гнал по небу низкие, тяжелые тучи, взбивал белую пену, швыряя волны о прибрежные камни. Добравшись до суши, перекатывал мелкие камешки, гнул молодые деревца — и словно разбивался о женщину, неподвижно стоящую на пустынном берегу. Женщина эта была красива и молода, неумолимое время еще не обсыпало ее волосы белым снегом, но успело подарить ей силу духа, спокойствие и мудрость. Даже сейчас, когда пришла большая беда, она не позволяла отчаянию сломить ее волю: серые глаза смотрели на темное небо с надеждой, ожидая знака, посланного богами.

Женщина эта была ведуньей, и звали ее Йорунн.

Немало дней прошло после страшной битвы, которая принесла долгожданную победу. Уже достойно проводили в чертоги Одина тех, кто пал в сражении, и тех, чьи раны так и не удалось исцелить. Пришли в себя те, кому суждено было выжить, и только муж ее все скитался между двумя мирами и никак не мог решить, уйти ли ему в чертоги Одина или остаться среди живых. Дни и ночи Йорунн проводила рядом с ним, отвлекаясь ненадолго лишь для того, чтобы смешать новое снадобье да немного побыть с детьми. Спала она урывками, осунулась, побледнела, но сдаваться не собиралась. Будь ее муж стар и немощен, Йорунн молила бы

Одина забрать его к себе и сама с радостью последовала бы за ним, как подобает верной и любящей жене. Но мужу ведунки, как и ей самой, до старости было еще далеко, и Йорунн сражалась за него с присущим ей упорством. И не важно, что ее оружием было целительство, а противником — сама Смерть.

Время шло, надежды становилось все меньше, и в какой-то миг Йорунн поняла, что больше ничего сделать не может. И тогда она позволила себе ненадолго оставить любимого и отправилась к морю. Стоя на берегу, она плакала и молилась — северным богам, ставшим ей родными, и богам, которых почитала тогда, когда жила далеко отсюда и звали ее не Йорунн, а Любомира.

Семь лет назад это случилось. Но сейчас прошлое ожило, и яркие образы пронеслись перед внутренним взором женщины...

Часть 1

**ХЪЯР —
ВИЙДФИОРД**

...Испокон веков ведуны жили наособицу — в лесу, рядом с поселениями. Общались с богами, лечили весчан¹ от разных недугов, проводили обряды, хранили лес. Разный люд бродил по лесным тропам, да и близость моря спокойствия не добавляла, поэтому маленький домик Любомиры был крепким и ладным, обнесенным высоким частоколом, который еще батюшка Огнь своими руками ставил, расписывал обережными знаками — чтобы и от зверей ограждал, и от лихих людей. Четыре зимы уже не было его на свете, а память о нем все так же надежно стояла и истоиво берегла.

Любомира была сиротой. После того как матушка ее ступила на Звездный Мост вслед за любимым мужем, не раз и не два жители ближайшей веси звали юную ведунью к себе. Даже из Радонца за ней присылали, обещали покои в княжеском доме и место за столом, да только девушка, поразмыслив, выбрала остаться в опустевшем родимом гнезде, где она никогда не чувствовала себя одинокой. Были здесь с ней и Велена-матушка, и строгий батюшка Огнь, и дедушка — многомудрый Всевед, и все остальные шуры и пращуры. От людей Любомира не пряталась, жила тем, что дарил ей лес, что растила сама, да тем, что приносили в бла-

¹ Весь — небольшое поселение в древней Руси, часто примыкавшее к городу; его жители — весчане.

годарность за исцеление. О ведунье говорили, что она не только разбирается в травах, но и понимает звериный язык — недаром за ней по пятам ходила лесная волчица.

Весчане Любомиру уважали, всегда встречали приветливо, и среди местных девушек у нее водилось немало подруг. Но ближе всех ей была Долгождана, младшая сестра радонецкого князя.

В конце весны, тихим, безветренным утром, море обрушило на прибрежное поселение лихую напасть, что иной раз страшнее любого шторма, — разбойных викингов. Их черный корабль неожиданно выпростался из густого тумана, и быстрые лодки стремительно заскользили к безмятежно спящему берегу, словно рыщущие голодные звери.

Едва слышав истошные крики и заметив переполох, Долгождана, накануне пришедшая на посиделки к подружкам, и еще несколько девушек успели по тайным тропам сбежать в лес к Любомире. Но все же спастись им не удалось: кто-то из чужеземцев заметил беглянок и кинулся следом, указывая дорогу другим. Укрывшись в доме ведуньи, перепуганные девчонки защищались как могли, понимая, что ничего хорошего в плену их не ждет. В разбойников летело все, что оказывалось под рукой: камни, поленья, даже глиняные горшки, но разве остановит это рослых, закаленных в боях северных воинов?

Долгождана видела, как Любомира исхитрилась полоснуть ножом схватившего ее рыжебородого верзилу и как она упала, оглушенная им. И слышала, как зашумели оставшиеся снаружи викинги, запоздало приметившие обереги на срубе дома и стоящих во дворе деревянных богов. И как их предводитель, зажимавший ладонью окровавленную щеку, в запале отдал

приказ на чужом языке, в котором проскользнуло смутно знакомое слово «brann»².

А потом ее саму схватили, набросили на голову плащ, куда-то понесли... Долгождана не видела, как загорелся дом Любомиры, и не помнила, как оказалась на разбойничьей лодье. В чувство ее привел холодный морской ветер. Приподнявшись, она обнаружила, что лежит на сырой дощатой палубе, а рядом с ней — Любомира, бледная, неподвижная, до сих пор не пришедшая в себя. Еще две их подруги, Весна и ее меньшая сестрица Зорянка, тоже были здесь. Оглядевшись, девушка увидела волчицу Любомиры, Снежку, которая металась на привязи. Вокруг звучала чужая речь. Несколько воинов подошли ближе, стали разглядывать пленниц; один из них показал на Долгождану и что-то насмешливо проговорил, прочие расхохотались и одобрительно хлопнули товарища по спине.

Их веселье оборвал грубый окрик. Воины без особой охоты, но все же вернулись на скамьи, а перед девушками остановились двое — тот, с располованной щекой, пленивший Любомиру, и статный темноволосый викинг с удивительно красивым лицом. Судя по богатой одежде, вождь, решила Долгождана. Эти двое, похоже, спорили. Рыжебородый сердито мотнул головой и ушел, темноволосый усмехнулся и что-то крикнул ему вслед. Какое-то время спустя молодой, еще безусый воин принес миску с водой и чистую тряпицу. Вождь посмотрел на Любомиру и негромко по-словенски велел Долгождане:

— Помоги ей.

Долгождана бережно обтерла бледное лицо подруги, чуть приподняла ей голову, попыталась напоить. Едва сделав глоток, Любомира закашлялась и открыла

² *Brann* — огонь (норв.).

глаза. А мгновение спустя встретилась взглядом с темноволосым, и на лице девушки отразилось изумление, быстро сменившееся гневом.

— Не бойся, дочь Велены, — проговорил северянин. — Вас не тронут.

Любомира сдвинула брови, отвернулась. Вождь что-то весело сказал молодому воину, тот рассмеялся, и они оба ушли. Молодая ведунья тихо застонала и уткнулась в плечо подруге.

— Он знает тебя? — удивилась Долгождана. — Но откуда?

Любомира вздохнула:

— Прошлым летом я подобрала его на побережье и выходила. Он умирал, и мне показалось, что Великая Мать нарочно привела меня к нему. Видимо, она хотела, чтобы этот человек остался жив. Некоторое время он жил у меня, потом исчез, не сказав ни слова. Если бы я только знала...

— Может, оно и к лучшему, — поразмыслив, рассудила Долгождана. — Теперь он добр к нам и не даст тебя в обиду, помня о том, что ты спасла ему жизнь.

— Зря не надейся, — усмехнулась Весна. — Путь будет долгим, а у разбойников память короткая...

— Погоди, сестрица, — перебила ее Зорянка. — Что, если Долгождана права? Он ведь трогать нас запретил. И Снежку в живых оставил.

Любомира посмотрела на волчицу. Та, поймав ее взгляд, тут же легла смиренно, опустила морду на лапы. Девушка прикрыла глаза: голова сильно болела, внутри все сжималось от страха. Одним богам известно, чем для них обернется плен. Рыжебородый северянин не из тех, кто забывает обиды, а рана, полученная в бою от девчонки, будет болеть сильнее других. «Не покорюсь, — думала Любомира, пытаясь отогнать не-добрые мысли. — Пока жива буду, не покорюсь».

Никто вовремя не прознал, не собрал скорых на расправу воинов, не кинулся в погоню отбивать. Чужая лодья уносила пленниц все дальше и дальше от словенских берегов. Грубые мужские голоса, смех, скрип длинных весел да плеск за бортом — вот прежняя жизнь и закончилась, начиналась новая, неизведанная и оттого страшная. Вещуньями казались пролетавшие над головой тоскливо кричащие чайки. Любомира горько усмехнулась: мечталось ей на большом корабле поплавать, вот и сбылась мечта. Только теперь ни ветер, ни облака, ни высокие волны не радуют. *Ох, Мать Великая, матушка милая, жаль, не научила зверем или птицей оборачиваться! Стать бы сейчас белокрылой чайкой, полететь на быстрых крыльях в Радонец, к Мстиславу-князю, о помощи попросить! Навек бы вороги проклятые запомнили, как на мирные поселения налетать...*

Долгождана прислушивалась к разговорам на корабле. Некоторые слова были ей знакомы и понятны, некоторые — нет. Раб, долгое время живший на севере, обучал языку северян старших братьев, а ее не заставляли — девка ведь, к чему? Если бы знал любимый батюшка, куда занесет судьба его единственную дочь, велел бы тоже учить странное наречие, чтобы сумела в нужный момент понять, что ей уготовано.

Она старалась пока не думать о том, что ее ждет. Кто знает, как распорядятся мудрые боги? Может, плен окажется слаще немилостивого замужества, к которому готовила ее родня. А может, и нет. Как любил говорить тот самый раб с севера — поживем да увидим.

Долгождана была дочерью воеводы Мстислава, которого позже жители Радонца стали величать кня-

зем. Целых двенадцать лет его жена безуспешно пыталась родить мужу наследника; князь, отчаявшись, взял меньшицу, затем другую, стал отцом троих сыночек, но от любимой жены радости так и не дождался. И вот, на тринадцатом году ожидания Великая Мать сжалась над княгиней и подарила ей дочь, которую счастливый отец так и назвал — Долгожданой. Правда, счастье его длилось недолго: княгиня после родов слегла и больше уже не встала... Тяжело переживал утрату немолодой князь и дочь единственную без меры любил и берег. Так и росла Долгождана, зная лишь отцовскую ласку да братскую заботу. Порой случалось, что любопытной и озорной девчужке лишняя опека только досаждала, но зато батюшка не смел ни в чем ее поневолить и не пенял ей за то, что не хочет она замуж идти без любви.

А любовь к Долгождане не торопилась.

Каждый год на княжеский двор засылали сватов, но красавица-княжна, едва завидев их, сбегала со двора и отправлялась в лес к давней подружке Любомире. Вот только прошлой весной старый князь умер, новым князем стал его старший сын, тоже Мстислав, который надумал побыстрее найти своевольнице мужа. Мол, и так забот полон рот, а тут еще жди, пока сестрице полюбится кто-нибудь... Долгождана все поняла, когда заметила, что один из Мстиславовых ближников, здоровенный белобрысый парень, повадился каждый день ходить к ним на посиделки, да еще и со своей матерью, пронырливой остроглазой бабой, которая сразу ей не понравилась.

И если бы не разбойничий набег, быть может, сидела бы сейчас Долгождана в девичьей, вышивала рубаху постылому жениху и долю свою оплакивала. С князем не больно-то поспоришь, даже если он тебе брат родной.

— Ормульв! — окликнул рыжебородого викинга один из северян. — Блир калдэре. Квиннэр бёр сэттес и лостеромме³.

— Фортэлль Асбьерн⁴, — даже не взглянув на пленниц, ответил тот.

Вскоре к сидящим на палубе девушкам вновь подошел темноволосый вождь. Молодой воин, приносивший им воду, был с ним.

— Сто упп. Встаньте.

Пленницы испуганно переглянулись, стали подниматься. Затекшие от долгого сидения и холода ноги слушались плохо, стоять на качающейся палубе было непривычно. Любомира, у которой все еще кружилась голова, неловко ступила, покачнулась и едва не упала — вместе с Зорянкой, вздумавшей ее подхватить. Хорошо, что молодой северянин шагнул вперед, удержал обеих.

Был он едва ли старше Любомиры, сероглазый, улыбчивый. Такой возмужает — не одно сердце девичье растревожит. Пока старший помогал Долгождане и Весне спускаться в трюм, он стоял и разглядывал пленниц, и в глазах его не было ни насмешки, ни похоти. Одно только любопытство.

— Ва хетер ду? — неожиданно спросил он, тронув за плечо Зорянку.

Та вздрогнула, опустила голову.

— Ва хетер ду? — снова повторил северянин. И показал на себя: — Эк хетер Хальддор. Ва хетер ду?

— Он спрашивает твое имя, — подсказала догадливая ведунья. — Ответь, а то ведь не отстанет.

³ Ормульв, становится холодно. Женщины должны быть в трюме (норв.).

⁴ Скажи это Асбьерну (норв.).

— Зоряна, — прошептала девушка и крепче стиснула руку Любомиры. Назвавшийся Халльдором воин попробовал повторить чужое, трудное для него имя. Вышло очень забавно.

Но пленницы даже не улыбнулись.

Пол в трюме был сырой и скользкий, но все же здесь было теплее, чем на палубе. И не так страшно, хоть и совсем темно.

Еще несколько заплаканных девчонок сидели в полумраке, тесно прижавшись друг к другу. Увидев Любомиру с подругами, они растерялись, не зная, радоваться им или плакать еще горше.

— Чем мне утешить вас, милые? — прошептала ведунья, обнимая по очереди каждую из них. — Неподвластны мне ветры лихие и волны быстрые, да и судьбу изменить не в моей власти. Одно скажу: просите Великую Мать о милости, чтобы перекинула нить нашей доли на доброе веретено...

Макошь, Мать Великая, ты на земле повсюду, где есть жизнь, значит, и здесь ты сейчас с нами. Не покидай нас, не оставь заступничеством своим!

Девчонки прижались к Любомире, ища защиты, а она продолжала нашептывать, подбадривать, утешать. И чудилось ей, будто Богиня рядом, улыбается одобрительно, и от этой улыбки на душе светлее становится, а страх и отчаяние прочь отступают, все дальше и дальше.

Усталость постепенно брала свое, и пленницы вскоре уснули. Долгождана спала урывками, вздрагивая от каждого шороха, и внезапно в кромешной тьме услышала шепот. Сперва показалось, что он доносится из-за перегородки, за которой сидели пленники-мужчины, но вряд ли словенам вздумалось бы говорить на чужом языке.

— Эк сарам эй, Веленадоттир. — Голос, звучащий откуда-то сверху, походил на дуновение ветра, но Долгождана ни на миг не усомнилась в том, кому он принадлежит.

— Нэй, — так же тихо ответила Любомира. — Вердр ат ви сэм ма.

— Ва скаль вер, — прошептала темнота, и все стихло. Молодая ведунья еле слышно вздохнула. По нескольким знакомым словам Долгождана поняла, что вождь северян предлагал подруге бежать и что Любомира отказалась.

— Почему? — едва слышно спросила она. — Из-за нас? Стоило ли, Любомирушка?

Та ответила не сразу.

— Не могу я вас бросить. — Девушка помолчала. — Да и Снежка моя здесь, как ее оставить? Потому — будь что будет. Все же я не дитя малое, беспомощное.

Потянулись дни, похожие друг на друга, как капли соленой морской воды. Сколько их было — неведомо, на второй седмице сбились со счета. Каждый день пленницам приносили еду и воду, чаще всего эту заботу брал на себя молодой Хальдор. По примеру старших он вел себя отстраненно, речей больше не заводил, но на Зорянку поглядывал. А однажды, проходя мимо, бросил ей на колени малую безделицу — деревянную свистульку-конька, и улыбнулся, увидев, как она подносит ее к губам. Любомира все дивилась: неужто и впрямь глянулась северянину девка? Вот только к добру это или к худу для Зорянки — одним богам ведомо.

Правду сказать, неожиданный подарок оказался чуть ли не единственным памятным событием за все время пути. Совсем бы затосковали пленницы, да на их счастье Любомира знала великое множество басен —

и забавных, и волшебных. Они отвлекали от грустных мыслей, скрашивали серые дни.

Но вот однажды на лодье почудилось оживление. Воины чаще переговаривались, смеялись, пели, радостно что-то выкрикивали. Это значило только одно: их дом рядом. Девушки в трюме притихли: им окончание долгого пути ничего хорошего не сулило.

Ветер был попутным, и корабль не шел, а летел под парусом туда, где темно-серой скалой поднимался из моря остров Хьяр. Темноволосый Асбьерн и борода-тый, кряжистый Вестар стояли на корме и разглядывали глухо рычашую на них белую волчицу.

— Я подарю ее нашему вождю, — сказал Асбьерн. — Он давно мечтал приручить такую.

— Хороший подарок, — согласился Вестар. — Говорят, когда-то давно волк спас прадеда Эйвинда конунга от неминуемой гибели и тот дал своему первенцу имя Ульв⁵. С той поры волки стали хранителями их рода. Тебе опять повезло, Асбьерн Счастливый!

— Верно, — отозвался Асбьерн. — Впрочем, никто не жалуется, добычи много в этот раз. Твоя доля тоже велика: у девчонки красивое лицо и волосы словно из золота. За нее дадут хорошую цену.

Вестар кивнул, помолчал, а потом проговорил, глядя куда-то в сторону:

— Ормульв сказал, будто волчица сама пришла на корабль. Если это так, твой дар вождю не имеет цены. Завидная доля, не то что какая-то пленница. Хотел бы я поменяться с тобой удачей...

Асбьерн ничего не ответил, лишь едва приметно улыбнулся.

⁵ Волк (норв.).